

*Посвящается Эмили Бестлер,
лучшему редактору и самому яростному защитнику,
о каком только можно мечтать.*

*Она делает все возможное,
чтобы я показывала себя с лучшей стороны.
Спасибо ей за зоркий глаз,
за поддержку и, главное,
за дружбу*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Кто не свернул с тропы,
приходит туда,
куда направлялся.

Китайская пословица

Надеюсь, когда ты это прочтешь, меня уже не будет в живых. Сделанного не воротишь, произнесенного вслух слова обратно не возьмешь. Ты будешь думать обо мне и жалеть, что не успела меня отговорить. Начнешь гадать, как можно было меня остановить. Наверное, я должен сказать: «Не мучай себя, ты ни в чем не виновата», но тогда я совру. Мы оба знаем: сам бы я на такое никогда не решился.

На моих похоронах ты будешь плакать. Будешь говорить, что все должно было быть по-другому. Будешь вести себя так, как и полагает в подобных ситуациях. Но будет ли тебе на самом деле меня не хватать?

И главное, будет ли мне не хватать тебя?

Хотим ли мы оба услышать ответ на этот вопрос?

6 марта 2007 года

За девятнадцать минут можно постричь газон перед домом, покрасить волосы или посмотреть один период хоккейного матча. За девятнадцать минут можно поставить пломбу, или испечь scones к завтраку, или разложить по стопкам выстиранное белье семьи из пяти человек.

За девятнадцать минут были распроданы билеты на игру «Теннесси тайтенс» в плей-офф чемпионата по американскому футболу. Столько длится одна серия ситкома без рекламы. За это время можно доехать от границы штата Вермонт до Стерлинга, городка в Нью-Гэмпшире.

За девятнадцать минут вам доставят пиццу из ресторана. Вы успеете прочитать ребенку сказку или поменять в машине масло. Можно пройти милю или подшить край одежды.

За девятнадцать минут можно остановить землю или спрыгнуть с нее.

За девятнадцать минут можно получить отмщение.

Алекс Кормье, как всегда, опаздывала. Дорога от ее дома в Стерлинге до главного суда первой инстанции округа Графтон, штат Нью-Гэмпшир, занимала тридцать две минуты, если не было пробок в Орфорде. Алекс торопливо спустилась по лестнице, держа в одной руке туфли на каблучке, а в другой — документы, которые брала домой на уик-энд. Закрутив густые волосы цвета меди в низкий узел и закрепив его шпильками, она превратилась в настоящую деловую женщину.

Прошло тридцать четыре дня с тех пор, как Алекс получила должность судьи в главном суде первой инстанции. До этого она пять лет проработала судьей окружного суда, успела хорошо себя зарекомендовать и поэтому надеялась, что переходный период будет не очень сложным. Но ей было всего сорок, и, как самый молодой судья в штате, она была вынуждена завоевывать репутацию беспристрастной вершительницы правосудия. Поскольку Алекс начинала как государственный защитник, прокуроры подозревали ее в том, что и как судья она будет чуть ли не всегда принимать сторону защиты. В свое время, подавая прошение о назначении на судебскую должность, Алекс искренне хотела способствовать тому, чтобы в рамках американской судебной системы люди считались невиновными до тех пор, пока не доказана их вина. В то время Алекс и в голову не приходило, что, когда она станет судьей, на нее саму презумпция невиновности, то есть в данном случае презумпция объективности, распространяться не будет.

Почувствовав запах свежесваренного кофе, Алекс вошла в кухню. Дочка сидела за столом с дымящейся кружкой в руках, сгорбившись над учебником. Вид у Джози был изможденный: голубые глаза покраснели, собранные в хвост каштановые волосы растрепались.

— Скажи, что ты не всю ночь так просидела, — проговорила Алекс.

— Я не всю ночь так просидела, — даже не посмотрев на мать, словно попугай, ответила Джози.

Алекс налила себе кофе и села напротив дочери:

— Правда?

— Правду ты у меня не спросила. Ты сказала, что я должна тебе сказать.

— Тебе вредно пить кофе, — нахмурилась Алекс.

— А тебе вредно курить.

Алекс почувствовала, как ее лицо вспыхнуло.

— Я не...

— Мама, — вздохнула Джози, — даже если ты открываешь в ванной окно, когда куришь, полотенца все равно пахнут табаком. — Она подняла глаза, как будто спрашивая мать, не попытается ли та высказать ей новый упрек.

Однако, кроме курения, других вредных привычек у Алекс не было. У нее попросту не хватало на них времени. Она была бы рада, если бы могла с уверенностью сказать то же самое про свою дочь, но ей, как и всем, кто видел Джози, оставалось только предполагать, что эта симпатичная девочка, круглая отличница, пользующаяся популярностью в своем классе, достаточно разумна, чтобы не наделать серьезных ошибок. У этой девочки большое будущее. Она именно такая, какой Алекс мечтала видеть свою дочь.

Когда-то Джози очень гордилась тем, что ее мама — судья, и хвасталась этим всем подряд: стюардессам, кассирам в банке, продавщицам в супермаркете. Она расспрашивала Алекс о делах, которые та рассматривала, и о решениях, которые выносила. Все изменилось три года назад, когда Джози перешла в старшую школу и постепенно между ней и матерью выросла стена. Алекс не думала, что дочка скрывает от нее больше, чем скрывает от родителей любой другой подросток. Только вот обычные матери могли судить друзей своих детей только в переносном смысле, а Алекс могла судить их буквально.

— Что у тебя сегодня на повестке дня? — спросила Алекс.

— Тест по всему разделу курса. А у тебя?

— Предъявление обвинений. — Алекс прищурилась, пытаясь вверх ногами прочесть то, что было написано в учебнике дочери. — Это химия?

— Катализаторы, — ответила Джози, потирая виски. — Вещества, которые ускоряют реакцию, но не расходуются в процессе. Например, берешь оксид углерода и водород, добавляешь оксид цинка и оксид хрома и... Что-то не так?

— Нет, все в порядке. Просто я вспомнила свою «С»¹ по органической химии... Ты завтракала?

— Выпила кофе.

— Кофе не считается.

— Считается, когда нет времени, — парировала Джози.

Алекс попыталась взвесить, что хуже: на пять минут опоздать на работу или получить очередной жирный минус напротив своего имени во всемирном журнале хороших матерей. *Ну разве в семнадцать лет девочка не должна уметь сама заботиться о себе по утрам?* Алекс достала из холодильника яйца, молоко и бекон.

— Однажды я рассматривала дело о принудительном помещении в психиатрическую больницу женщины, которая возомнила себя Эмерилом². Муж отвез ее в сумасшедший дом, после того как она, сунув в блендер целый фунт бекона, начала гоняться за ним по кухне с ножом, крича: «Бам!»

Джози оторвалась от учебника:

— Что, правда?

— Такое нарочно не придумаешь, — вздохнула Алекс, разбивая яйцо в сковородку. — Когда я спросила, зачем она положила фунт бекона в блендер, несчастная посмотрела на меня и сказала: «Просто мы с вами по-разному готовим».

Джози встала и, опершись о столешницу, принялась наблюдать за тем, как мать возится у плиты. Ведение домашнего хозяйства не было сильной стороной Алекс. Она не умела запекать жаркое в горшочке, зато гордилась тем, что наизусть знает телефоны всех пиццерий и китайских ресторанов Стерлинга с бесплатной доставкой.

¹ В большинстве учебных заведений США используется шкала оценивания знаний «А–F», где «А» приблизительно соответствует пятерке, «F» — двойке, а «С» — тройке. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Джон Эмерил* — шеф-повар, ресторатор, звезда телеэкрана и автор кулинарных бестселлеров.

— Не беспокойся, — сухо сказала Алекс. — Я в состоянии приготовить яичницу, не спалив дом.

Но Джози взяла сковородку из рук матери, аккуратно разложила на ней полоски бекона, а потом спросила:

— Зачем ты так вырядилась?

Алекс, нахмурившись, посмотрела на свои туфли, юбку и блузку:

— А что? Слишком похоже на Маргарет Тэтчер?

— Да нет, просто... зачем тебе одеваться так строго? Никто же не видит, что у тебя под мантией. Носи под ней хоть пижаму, хоть свитер, которому уже лет двадцать и который протерся на локтях.

— Видят меня или нет, я должна быть одета, как подобает... представителю системы правосудия.

По лицу Джози пробежала тень, словно мать сказала что-то не то. Алекс посмотрела на дочку: на ее обкусанные ногти, на родимое пятнышко за ухом, на зигзагообразный пробор, но вместо всего этого увидела двухлетнюю девочку, которая вечерами сидела у окошка в доме няни и ждала, когда мама ее заберет.

— В пижаме я на работу не хожу, — сказала Алекс, — зато иногда запираю дверь своего кабинета, чтобы прикорнуть на полу.

На лице Джози медленно возникла удивленная улыбка. Мамино признание обрадовало ее, как обрадовала бы бабочка, которая внезапно села на руку и к которой нельзя привлечь внимание, не рискуя ее спугнуть. Но на работу надо было ехать, а химические уравнения — решать, и к тому времени, когда Джози выложила бекон на бумажное полотенце, чтобы удалить лишний жир, момент был упущен.

— Не понимаю, почему я должна завтракать, а ты — нет, — пробормотала Джози.

— Потому что получить право портить собственное здоровье получаешь лишь по достижении определенного возраста. — Алекс указала на яичницу-болтунью,

которую Джози помешивала на сковородке: — Обещай мне, что съешь ее.

Джози посмотрела матери в глаза:

— Обещаю.

— Ну, тогда я побежала.

Алекс взяла термокружку с кофе и вышла. Алекс еще только выезжала из гаража, а ее голова уже была забита делами, которые назначены к слушанию, решениями, которые предстояло вынести, и ходатайствами, которые накопились за выходные и, наверное, уже завалили ее стол. Почти мгновенно Алекс мысленно перенеслась далеко от дома, где прямо сейчас ее дочь соскребала яичницу со сковородки в мусорное ведро, не взяв в рот ни единого кусочка.

Иногда собственная жизнь казалась Джози комнатой без окон и дверей — бесспорно, шикарной комнатой, за шанс пожить в которой многие ребята из школы отдали бы правую руку. Но сама Джози не знала, как отсюда выбраться. То ли она была тем, кем ей совсем не хотелось быть, то ли была просто никому не нужной.

Джози подставила лицо под горячий душ, такой горячий, что стекла запотевали, дыхание перехватывало, а на коже появлялись красные пятна. Она досчитала до десяти, выключила воду и встала, голая и мокрая, перед зеркалом. Лицо опухло и покраснелось, толстые пряди волос прилипли к плечам. Джози повернулась боком, посмотрела на свой плоский живот и немного его втянула. Она знала, что видит Мэтт, когда смотрит на нее, что видят Кортни, Мэдди, Брейди, Хейли и Дрю. Ей самой тоже хотелось бы это видеть. Но к сожалению, глядя в зеркало, она видела не внешнюю оболочку, а то, что внутри.

Джози понимала, как ей полагается выглядеть и как себя вести. Она носила прямые распущенные волосы, одевалась в «Аберкромби и Фитч», слушала *Dashboard Confessional* и *Death Cab for Cutie*. Ей нравилось, что все

девчонки смотрят на нее, когда она, сидя в кафетерии, подкрашивает губы помадой Кортни. Ей нравилось, что учителя уже на первом уроке знают ее имя. Ей нравилось, что парни смотрят ей вслед, когда она проходит по коридору в обнимку с Мэттом.

И в то же время Джози спрашивала себя, как они все отреагируют, если она расскажет им свой секрет. Расскажет, как ей трудно вставать по утрам с постели и натягивать на лицо улыбку, как трудно смеяться над «правильными» шутками, шепотом передавать «правильные» сплетни и флиртовать с «правильным» парнем, как трудно быть фальшивкой, которая уже почти забыла, кто она такая на самом деле. Забыла и, если честно, не хочет вспоминать, потому что от этого ей станет еще больнее.

О том, чтобы с кем-нибудь поговорить, не могло быть и речи. Если ты начнешь сомневаться в своем праве принадлежать к избранным, то тут же выпадешь из их круга. Что касается Мэтта, то ему, как и всем остальным, нравилась та Джози, что лежала на поверхности. В сказках, когда герои предстают друг перед другом в истинном обличье, принц не отрекается от своей избранницы, и такая любовь сама по себе делает ее принцессой. Но в старших классах все по-другому. Здесь действовала какая-то странная логика: Джози была принцессой, потому что встречалась с Мэттом, а Мэтт встречался с Джози, потому что она была одной из школьных принцесс.

С матерью она тоже не могла поделиться. «Выйдя из зала суда, не перестаешь быть судьей», — говорила Алекс Кормье, которая не пила на людях больше одного бокала вина, никогда не кричала и не плакала. И никогда не сомневалась: ты должна соответствовать стандарту, и точка. Многие успехи дочери, которыми Алекс так гордилась: оценки, внешность, принадлежность к «хорошей» компании, — были не результатом желаний самой Джози, а результатом ее боязни не дотянуть до идеала.

Завернувшись в полотенце, Джози прошла к себе в комнату. Надела джинсы и две футболки с длинным

рукавом, подчеркивающие грудь. Посмотрела на часы: если она не хочет опоздать, то выходить надо прямо сейчас.

Но Джози все-таки задержалась еще на минутку: села на кровать и нащупала под крышкой ночного столика полиэтиленовый пакетик с таблетками амбиена — снотворного, которое врач прописал матери. Чтобы Алекс ничего не заметила, нужно было воровать изредка и только по одной. Поэтому за шесть месяцев удалось накопить всего пятнадцать штук. Но наверное, этого количества хватило бы, особенно если запить стаканом воды. Нет, у Джози не было конкретного плана: покончить с собой в следующий вторник или когда растает снег. Это была своего рода подстраховка на случай, если правда раскроется и никто не захочет с ней общаться, да и сама Джози тоже.

Убрав пакетик на место, она спустилась в кухню, чтобы собрать рюкзак. Рядом с раскрытым учебником по химии лежала красная роза на длинном стебле.

Мэтт стоял, прислонившись к холодильнику, — видимо, вошел в открытую дверь гаража. Когда Джози смотрела на своего парня, ей всегда казалось, что она очутилась сразу во всех сезонах года: его волосы переливались всеми красками осени, голубые глаза напоминали о зимнем небе, а широкая улыбка — о летнем солнце. Мэтт был в бейсболке, надетой задом наперед, и в фуфайке с логотипом хоккейной команды старшей школы Стерлинга, а из-под нее выглядывала термофутболка, которую Джози однажды стащила и целый месяц продержала у себя, чтобы иметь возможность, когда захочется, вдохнуть его запах.

— Все еще дуешься? — спросил он.

— Это не я вчера слетела с катушек, — после небольшой паузы ответила Джози.

Мэтт отлепился от холодильника, подошел ближе и обнял Джози за талию:

— Такой уж у меня характер.

На его правой щеке образовалась ямочка, и Джози растаяла:

— Дело не в том, что я не хотела тебя видеть. Просто мне действительно нужно было позаниматься.

Мэтт убрал волосы с лица Джози и поцеловал ее. Вот потому-то она и не разрешила ему прийти накануне. Иногда, когда он прикасался к ней, ей казалось, что она растворяется — превращается в облачко пара. Его поцелуй со вкусом кленового сиропа был красноречивее любых извинений.

— Ты сама виновата, — сказал он. — Я бы не вел себя так по-дурачки, если бы не был по уши в тебя влюблен.

В этот момент Джози забыла о таблетках. Забыла о том, как плакала в душе. Она чувствовала себя любимой, и в ее сознании серебристой лентой струилась только одна мысль: *я счастливая, счастливая, счастливая...*

Патрик Дюшарм, единственный детектив полиции Стерлинга, сидел на скамье в дальнем конце раздевалки и слушал, как патрульные утренней смены поддразнивают новичка, не отличавшегося спортивной фигурой.

— Эй, Фишер, — сказал Эдди Оденкирк, — ребенка-то кто ждет? Твоя жена или, может, ты сам?

Все парни покатались со смеху, и Патрику стало жалко парня.

— Еще рано, Эдди. Ты можешь подождать, пока мы все хотя бы по чашке кофе не выпьем?

— Без проблем, капитан, — расхохотался Эдди. — Только Фишер, похоже, уже успел сожрать все пончики... Черт, а это что за хрень?!

Проследив за взглядом Эдди, Патрик посмотрел на свои ноги. Вообще-то, ему не полагалось переодеваться вместе с патрульными, но в то утро он не приехал на работу, как обычно, на машине, а прибежал трусцой — боролся с последствиями воскресного переедания. Уик-энд Патрик провел в Мэне, в обществе молодой особы, которой в настоящее время принадлежало его сердце, —

своей крестницы, пятилетней Тары Фрост. Нина, мама девочки, была первой любовью Патрика, и с его стороны это чувство, возможно, до сих пор не угасло, хотя Нине прекрасно жилось и без него. За два дня он десять тысяч раз намеренно проиграл в «Конфетную страну», наматал тысячу кругов по комнате в качестве пони, позволил Таре себя причесать и — вот это была роковая ошибка! — накрасить ногти на ногах ярко-розовым лаком, а потом забыл этот лак снять.

— Девочкам нравится, — буркнул Дюшарм, подбрав пальцы.

Семеро полицейских еле сдерживались, чтобы не рассмеяться над старшим по званию. Патрик надел носки, сунул ноги в лоферы и вышел, держа галстук в руке. Стоило ему мысленно досчитать до трех, как из раздевалки донесся дружный хохот.

Зайдя в кабинет, Патрик посмотрелся в маленькое зеркало, прикрепленное к двери с внутренней стороны: черные волосы еще влажные после душа, лицо красное от бега. Патрик завязал галстук, расправил узел и сел за стол.

За выходные в электронной почте скопилось семьдесят два непрочитанных письма. Если набиралось больше пятидесяти, это, как правило, означало, что всю неделю придется засиживаться в участке до восьми вечера, а то и дольше. Патрик принялся рассортировывать их, делая пометки в списке дел, который, как ни бейся, короче не становился.

Сегодня нужно было отвезти наркотики на экспертизу в центральную лабораторию штата — задача, конечно, несложная, но часа четыре на это уйдет. Потом он должен заняться насильником, которого опознали по университетскому альбому и показания которого были готовы для передачи в офис окружного прокурора, затем телефоном, украденным из машины каким-то бродягой. Далее на очереди стояли полученные из лаборатории результаты анализа крови, которые могут стать прорывом

в деле об ограблении ювелирного магазина; слушание об укрывательстве и новое заявление, поступившее только сегодня: кража бумажника с кредитными картами, причем кто-то уже успел ими воспользоваться, оставив ниточку, по которой Дюшарму предстояло размотать и это дело.

Поскольку Патрик был детективом в маленьком городке, работа для него никогда не заканчивалась. В полицейских департаментах больших городов дело, не раскрытое за двадцать четыре часа, сдавалось в архив как «глухарь», а Патрику приходилось браться за все дела подряд и биться над ними до упора. Иногда он тратил целую неделю на фальшивый чек или на кражу, за которую преступника приговаривали к штрафу в двести долларов, хотя расследование обходилось налогоплательщикам в пять раз дороже. Но как только Патрику начинало казаться, что он занимается ерундой, его убеждала в обратном личная встреча с потерпевшим: с бьющейся в истерике мамашей, у которой стащили кошелек, с владельцами семейного ювелирного магазинчика, у которых украли то, на что они собирались жить в старости, или с перепуганным профессором, чьими личными данными кто-то воспользовался, чтобы взять кредит. Патрик знал: расстояние между ним и обратившимся за помощью человеком измеряется надеждой. Если отнестись к проблеме поверхностно, не выложиться на все сто процентов, пострадавший навсегда останется жертвой. Именно поэтому с самого начала своей работы в отделении полиции Стерлинга Патрик ни единого дела не оставил нераскрытым.

И все-же...

Лежа дома в одиночестве на кровати и мысленно прокручивая свою жизнь, Патрик вспоминал не очевидные успехи, а потенциальные неудачи. Расхаживая по чьему-нибудь опустошенному складу, или находя машину, которую угонщики полностью «вычистили», прежде чем бросить в лесу, или подавая носовой платок девушке,

которую парень изнасиловал на свидании, Патрик не мог не чувствовать, что опоздал. Он был следователем, но не мог за всем уследить. Всякий раз к нему в руки попадало то, чего уже не исправишь.

Сегодня был первый теплый мартовский день, когда начинаешь верить: снег скоро растает, а там уже и лето не за горами. Джози сидела на капоте «сааба» Мэтта, припаркованного возле школы, и думала о том, что бóльшая часть учебного года уже позади. Еще три жалких месяца — и она станет ученицей выпускного класса.

Мэтт, устроившийся рядом, прислонился спиной к лобовому стеклу и подставил лицо солнцу.

— Может, прогуляем уроки? — спросил он. — Погода слишком хорошая, чтобы весь день торчать в четырех стенах.

— За прогул тебя отправят на скамейку запасных.

Сегодня начинался чемпионат штата по хоккею, Мэтт играл правым нападающим. В прошлогоднем турнире Стерлинг победил, и в этом году были все шансы повторить успех.

— Ты придешь на игру, — произнес Мэтт тоном утверждения, а не вопроса.

— Собираешься засадить им?

— А разве я не всегда это делаю? — хитро улыбнулся Мэтт, усаживая Джози себе на колени.

Она почувствовала, как краска заливает ее лицо и замотанную шарфом шею, ведь сейчас Мэтт говорил не о хоккее.

Внезапно по спине Джози забарабанили градины. Они с Мэттом резко выпрямились, когда увидели Брейди Прайса, игрока футбольной команды, и Хейли Уивер, королеву выпускного бала. Хейли снова бросила в них пригоршню мелких монеток. Таким образом в старшей школе Стерлинга было принято желать удачи спортсменам.

— Ройстон, надери им сегодня задницу! — крикнул Брейди.

На противоположном конце парковки показался учитель математики с черным кожаным портфелем и термосом с кофе.

— Здравствуйте, мистер Маккейб! — окликнул его Мэтт. — Что у меня за последний пятничный тест?

— К счастью, мистер Ройстон, вы обладаете многими талантами, — ответил учитель, запуская руку в карман.

Подмигнув Джози, он бросил в них с Мэттом пригоршню монеток, которые посыпались им на плечи, как конфетти или как звездочки, упавшие с неба.

«Ну вот! Опять!» — подумала Алекс, в десятый раз перерыв сумочку в поисках забытого ключа от служебного входа в здание суда. Никто не торопился ее впускать, хотя она уже устала давить на кнопку звонка.

Ругаясь себе под нос, Алекс зашагала к главному входу, обходя лужи, чтобы не испортить туфли из крокодиловой кожи. Служебная парковка была хороша еще и тем, что обычно позволяла избегать подобных прогулок. Алекс могла пройти к себе через секретариат, а если повезет, то и попасть в зал суда без опоздания.

У главного входа выстроилось человек двадцать. Однако охранники узнали Алекс, которая вот уже полгода как работала здесь, в то время как на прежней должности ей приходилось бегать из одного здания суда в другое, и пропустили ее без очереди. Поскольку в руках Алекс была термокружка из нержавеющей стали, а на плече — сумочка, набитая всякой всячиной, сработал металлоискатель. Услышав писк сигнализации, все, кто был в вестибюле, устремили на Алекс любопытные взгляды. Пригнув голову, она быстро засемила по гладким плитам, поскользнулась и едва не упала. Какой-то коренастый мужчина подхватил ее.

— Ого, детка, — плотоядно ухмыльнулся он, — туфли у тебя отпад!

Оставив нахала без ответа, Алекс высвободилась и зашагала к дверям секретариата. Никому из ее коллег-судей не приходилось сталкиваться с таким фамильярным обращением. Судья Вагнер был славным малым, но его лицо напоминало тыкву, которую забыли выбросить после Хэллоуина, а судья Герхард, еще одна женщина, носила блузки, которым было больше лет, чем Алекс. Когда Алекс впервые заняла свое место в зале суда, ей показалось, что очень даже неплохо оставаться достаточно молодой и привлекательной женщиной, ведь это расшатывает определенные стереотипы, однако такие происшествия, как сегодняшнее, подрывали ее уверенность.

Наконец оказавшись в своем кабинете, Алекс бросила сумочку, накинула мантию и выделила пять минут, чтобы выпить кофе и просмотреть список дел к слушанию. Материалы по каждому делу хранились в отдельной папке, но, если человек совершал преступление повторно, его дела складывались вместе и скреплялись банковской резинкой. Иногда судьи оставляли друг другу записки внутри папки. Открыв одну из папок, Алекс нашла стикер со схематичным изображением человечка за решеткой: судья Герхард предлагала дать нарушителю последний шанс, а в следующий раз он отправится в тюрьму.

Алекс нажала на кнопку, сообщая секретарю о своей готовности начать заседание, и через несколько секунд послышалось знакомое: «Встать! Суд идет! Председательствует судья Александра Кормье». Входя в зал суда, Алекс всегда чувствовала себя артисткой, впервые выходящей на сцену во время бродвейской премьеры: вроде бы заранее знаешь, что почувствуешь на себе сотни взглядов, но в первый момент все равно перехватывает дыхание. Не можешь поверить, что все эти люди пришли смотреть именно на тебя.

Алекс быстро прошла на свое место и села. На сегодняшнее утро было запланировано семьдесят слушаний, и в зале не было ни единого свободного места. Вызвали

первого ответчика. Он вышел, шаркая ногами и глядя куда-то в сторону.

— Мистер О'Рейли, — прочла Алекс и, когда обвиняемый наконец-то посмотрел ей в лицо, узнала парня из вестибюля, который явно был не в своей тарелке, так как понял, с кем он пытался флиртовать. — Вы тот джентльмен, который помог мне сегодня при входе, верно?

— Верно, Ваша честь, — сглотнув, ответил он.

— Мистер О'Рейли, если бы вы знали, что я судья, то сказали бы мне: «Ого, детка, туфли у тебя отпад»?

Ответчик потупился, пытаясь найти более или менее достойный выход из положения.

— Думаю, да, Ваша честь — ответил он после небольшой паузы. — Туфли у вас действительно очень красивые.

Весь зал замер в ожидании реакции Алекс.

— Не могу с вами не согласиться, мистер О'Рейли, — широко улыбнулась она.

Лейси Хоутон наклонилась к рыдающей в голос роженице и, посмотрев той прямо в глаза, твердо сказала:

— Вы можете. Давайте.

Роды длились уже шестнадцать часов. За это время измучились все: и будущая мать, и Лейси, и будущий отец, который в этот решительный момент чувствовал себя совершенно лишним, потому что сейчас его жене была гораздо нужнее акушерка, чем он.

— Мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, поддерживайте Джанин под спину. А вы, Джанин, посмотрите на меня и еще раз как следует потужьтесь.

Женщина заскрежетала зубами, отдавая все свои силы ради того, чтобы произвести на свет нового человека. Лейси нащупала головку и быстро освободила шею ребенка от петли пуповины, не сводя глаз с роженицы.

— В ближайшие двадцать секунд ваша малышка будет самым молодым существом на планете. Хотите с ней познакомиться?